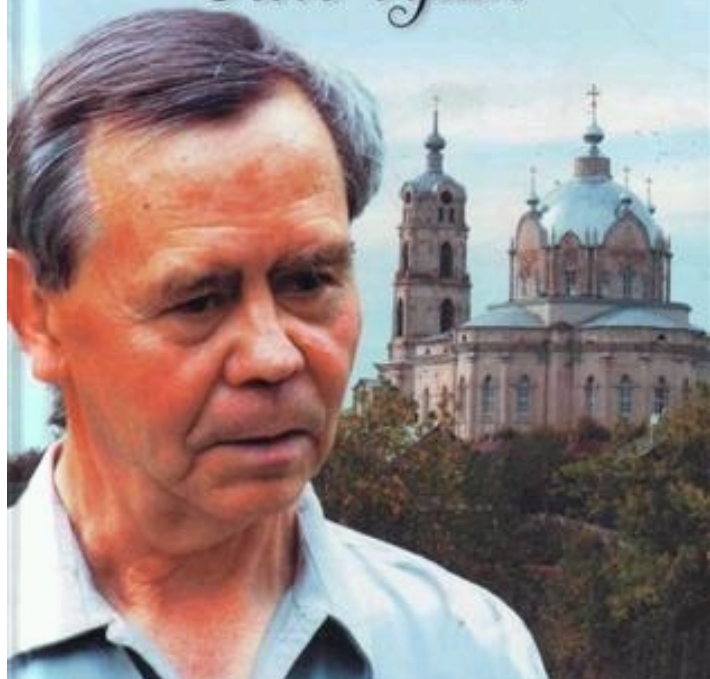

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

ВАЛЕНТИН
РАСПУТИН

Боль души

Виктор Стефанович Кожемяко Валентин Распутин. Боль души

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898941

Кожемяко В.С. Валентин Распутин. Боль души.: Алгоритм; Москва;

2007

ISBN 978-5-9265-0337-8

Аннотация

Если говорить о пророческом слове и подвижничестве в современной русской литературе, то эти понятия соотносимы прежде всего с именем Валентина Григорьевича Распутина, чье 70-летие только что отмечалось. Его проза, давно ставшая классикой, публицистика, любое выступление в печати – всегда совесть, боль и правда народная. Книга известного журналиста Виктора Кожемяко, включающая диалоги с выдающимся писателем, – итог размышлений над судьбой Родины в переживаемые ею трудные времена.

Содержание

Разговор начистоту	5
Нет, не кончено с Россией...	7
Не тот победитель?	29
Почему русского писателя, ставшего лауреатом международного конкурса, «приветствовали» хамскими выпадами	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Виктор Стефанович
Кожемяка
Валентин Распутин.
Боль души**

© Кожемяко В.С., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Разговор начистоту

Вместо вступления

Часть этих бесед, которые мы ведем с 1993 года, уже публиковались под книжной обложкой. Теперь продолжение. Как бы хотелось нам, чтобы с годами менялась тональность разговора, чтобы она становилась обнадеживающей и светлой. Время-то идет и несет с собою не одни сплошные несчастья, но, казалось бы, и утешительные итоги. Сегодня Россия уже не та нищая страна, какой она была десять и более лет назад: почти полностью она рассчиталась с горбачевскими и ельцинскими долгами, есть из чего платить пенсии старикам и инвалидам, поощрять рождаемость, подавать на бедность. Компьютеры в школах перестали быть редкостью, наши невесты не бегут больше в Америку и Австралию наобум Лазаря, а прежде сговариваются с тамошними женихами в Интернете, и символ времени – прилипший к уху мобильник – в несколько лет объял все и вся.

Но отчего же так мало это доставляет радости – и большие деньги, и большие удобства? Отчего живем мы в постоянном напряжении и озираемся вокруг с непреходящей тревогой? Не потому ли, что установленный в государстве порядок ор-

ганически не совпадает с нашими национальными и социальными закладами?! Даже животные одного климатического пояса не выдерживают в другом, противоположном... Со всем иной, противоположный, культурный и нравственный климат, иные правила воспитания и общежития для человеческих особей нисколько не милосерднее. Иноземная школа, дурноголая и пошлая культура, опустившийся на дно приличия театр, потрошение классиков в кино и на сцене, непотребные и дикие развлечения, телевидение как чума и холера на всю Россию, чужая архитектура, чужие приемы жизни – чужое, чужое, чужое, как при оккупации... И слова поэта: «Россия! Русь! Храни себя, храни!» – воспринимаются с тяжестью и виной за неисполнение этого единственно спасительного завета.

Но вспоминаются и слова В.О. Ключевского, историка и знатока духовной нашей Родины в прошлом: «В России центр на периферии». Вот на это надежда и по сей день. Там, в провинции, беднее, но и роднее, солнечней, чище и приветней. Конечно, и туда доносится беспрепятственно дух перемен, и там не обошлось без местного общества, с радостью принимающего ложь и разврат, но нет там победы чужого.

Да и народ там не ушел в небытие. И не собирается уходить.

Валентин Распутин

Нет, не кончено с Россией...

Виктор Кожемяко: *Валентин Григорьевич, начну даже не с выборов в Думу. Начну с того, что до сих пор жгуче болит во мне, как, думаю, и в вас, во многих других наших соотечественниках. Имею в виду расстрел российского парламента. И самое поразительное: 4 октября при этом кровавом действе было, как известно, много зевак, а были даже и такие, которые после каждого выстрела аплодировали. Что это? Как, по-вашему, объяснить такую бездну нравственного падения? Ведь это все равно как если бы фашисты заталкивали в газовую камеру евреев, а «посторонние» антисемиты аплодировали или русофобы аплодировали бы при отправке в газовую камеру русских, «посторонние» антикоммунисты – коммунистов? Между тем даже такой, казалось бы, гуманист, как Булат Окуджава, в интервью «Подмосковным известиям» заявил об этом жутком, кошмарном зрелище, демонстрировавшемся по телевидению, буквально следующее: «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было. И, может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это – заключительный акт. Поэтому на меня слишком удручающего впечатления это не произвело».*

Валентин Распутин: Да-а... Что ж, в наше время уже трудно удивляться чему-нибудь, и все-таки подобное признание Булата Окуджавы, сделанное к тому же с явным удовольствием, поразительно. Есть люди, правда, с особой психикой, которым мучения жертвы доставляют физиологическое наслаждение, здесь что-то в этом же роде. Наши интеллигенты-гуманисты из «демократических» рядов вообще приобрели странное выражение души и сердца (лица тоже) – с печатью отнюдь не целебных чувств. Действительность всех нас не делает спокойными, но там уж совсем какое-то оголтелое неистовство! А ведь «победители»! – чего бы, казалось, из кожи выскакивать, беса в себя гнать: твоя взяла, будь теперь великодушен к тем, кто еще не дорос до высоты твоего ума и широты твоего сердца. Но оттого-то, видимо, и беспокойство, оттого-то и нервозность, и эти постоянные подпрыгивания, будто пятки поджаривают, что несправедное дело, которое привело их сторону к успеху, долго не устоит и они не могут этого не чувствовать.

Что касается радостной реакции зевак на расстрел «Белого дома», выражения восторга, если снаряд попадал в цель и кто-то в эти мгновения расставался с жизнью, кто-то начинал мучиться в ранах, – нет, это уже не зеваки, а действующие лица. Приходится признать, что из нашей молодежи не просто создается нечто с неясными результатами, а уже создан тип человека, совершенно новый, какого раньше и быть не могло. Тип человека безжалостного, циничного, по-

клоняющегося госпоже удаче, ради которой пойдет на все. Если уж Булату Окуджаве кровь сотен безоружных и безвинных людей виделась спектаклем, великолепно поставленным действием, то для них тем более. На огромном уличном экране они были зрителями того, во что постоянно окунаются на экране телевизионном и что притупило и атрофировало боль, сострадание и чувство справедливости. Сюжет «постановки» был крутым, события развивались без нравственных «соплей», в действии присутствовали неожиданные повороты, положенное число жертв должно было без обмана стать жертвами, знакомая московская обстановка еще больше щекотала нервы – им это нравилось. Так их воспитали в последние семь-восемь лет телевидение, газеты, общественное мнение. Эти еще оказались в положении зрителей, причем вроде поневоле, а такие же, как они, геройски действовали – посылали снаряды, били из снайперских винтовок, орудовали дубинками. Физическое убийство сотен (а может быть, тысяч) наших братьев и сыновей, пришедших защищать законность и справедливость, стало возможным в октябрьские дни лишь потому, что еще раньше произошло моральное растрепывание и убийство миллионов.

Юрий Власов считает, что мы потеряли не одно, а, вероятно, два-три поколения молодежи. Потеряли притом в окончательном смысле, делая их врагами исторической и национальной России. Как бы хотелось, чтобы он ошибался! Я не могу с ним полностью согласиться, уповая, без особой,

впрочем, опоры, на саморегуляцию хватившего лиха народа, на чудесное спасение, которое, может быть, послано из прошлого, на нашу собственную работу, но то, что перерождение свершается быстрее, чем предполагаюсь, и что воспитательная мина заложена надолго, сомнений не вызывает. Порядки, заведенные ныне в России... знаете, сказать, что благоприятствуют нравственной и духовной мутации человека, значит, ничего не сказать. Это просто фразы, набившие оскомину, несмотря на свой верный смысл. Кричать – тоже не докричишься. Но, когда десятилетние девочки толпами высыпали на панель, а двенадцатилетние принялись рожать, и все это считается в правилах свободного демократического государства, – да пропади оно пропадом, это государство, и мы вместе с ним, если мы позволяем себе мириться с такими порядками! Достоевский говорил только об одной слезе ребенка, которой недостойно благополучие всего мира, а тут море слез и восторг по поводу их «свободного» истечения.

– Хотелось бы услышать ваше мнение, мнение большого русского писателя, о положении, в котором оказалась Россия после октября нынешнего года.

– Победы президента и правительства тут не было – было, напротив, жестокое поражение. Какая может быть победа в войне с собственным народом, в показательном убийстве защитников Конституции и законности! Полководческое искусство в этой войне Ерина и Грачева, так же, как искусство Суворова и Кутузова, добывавших прежде славу русского

оружия, останется в веках, но только совсем в другом ряду.

Президент на то и президент, правительство на то и правительство, чтобы в междоусобных конфликтных ситуациях находить выход мирными средствами. Если бы даже противная сторона была не права. Но причина конфликта не в этом, а, как хорошо виделось невооруженным глазом, в стремлении президента к единоличной власти. Запад в лице руководителей «силовых» государств, поддержавших Ельцина, поддержал, в сущности, не столько его действия, сколько свое прежнее реноме и желание навсегда исключить Россию из числа стран, имеющих авторитетную самостоятельную политику. Общественное мнение Запада увидело в октябрьских событиях присущее России дикарство, возглавляемое в настоящее время, естественно, главой государства. Сейчас, я думаю, в лагере «победителей» довольно интересная ситуация. Связанная одной кровью, президентская команда, как никогда, казалось бы, должна быть плечом к плечу. Но это только на слишком доверчивый взгляд. Хотя в нашей стране позволено все, но народное мнение все еще существует, и с кровью оно не согласится, сколько бы телевидение ни убеждало, что это кровь нечестивых. Едва ли стоит сомневаться, что частью экранные, частью закулисные лица ведут теперь хитроумные расчеты, как и когда сделать из президента козла отпущения. Другого выхода, если они собираются играть прежнюю роль, у них нет. Или диктатура, при которой и им по закону всякой диктатуры не сносить голов, или это.

Но для этого нужна подходящая кандидатура, чтобы при ней волки по-прежнему оставались волками, а овцы овцами, то есть богатые при своих интересах, а бедные при своих.

Выборы, по замыслу, скорей всего и должны были представить наследника престола. Он, бесспорно, пришел, но... с конфузом для своей партии. В выборы вмешались октябрьские события. О, они еще долго будут вмешиваться в нашу политическую жизнь! Жириновский ни от кого не увел голоса (разве что самое незначительное число у правительственных партий), но своими зажигательными речами он привел на избирательные участки тех, кто не собирался туда идти, справедливо видя в себе материал для политических игр. Правительственный радикализм (если этим термином можно заменить жестокость так называемых реформ и жестокость нравов) заставил голосовавших за Жириновского выбрать самую радикальную из представленных предвыборных программ. Этим прежде всего нужно объяснять успех Жириновского, а не искать сдуру в народах России фашистское сознание: что оскорбительно, во-первых, для народов, а во-вторых, уж очень явно выдает в любителях подобных умозаключений породу бешеных, общение с которыми опасно даже через телевизор.

Нет, с Россией прощаться рано. Помню, несколько месяцев назад, еще до ельцинского октября, Владимир Максимов, замечательный русский писатель и здравомыслящий человек, вынужденный двадцать лет жить в Париже, вос-

кликнул в последнем отчаянии от происходящего у нас, что ему ничего не остается, как попрощаться с Россией, ибо новые правители ее погубили окончательно. Но ведь и Максимилиан Волошин в 1918 году с не меньшим отчаянием произнес знаменитое «с Россией кончено...». А она выжила. Не может быть, чтобы не выжила и теперь. Насколько бояться ее, начинающую пока полубессознательно стряхивать с себя оцепенение и дурман, я увидел (все мы увидели) на недавнем празднике встречи «нового политического года» в Кремле, когда стали поступать результаты голосования из восточных районов и торжество, с самого начала напоминавшее шабаш гоголевских персонажей на Лысой горе, превратилось в позор с паническими и злыми выкриками.

– Следующий мой вопрос такой: вы в свое время когда-то, еще будучи народным депутатом СССР, помнится, предлагали, чтобы Россия вышла из состава Союза. А как теперь относитесь к распаду великой державы, к беловежскому акту и его последствиям?

– Мои слова тогда были не совсем верно поняты. Вернее, остались в памяти одним только этим заявлением, а ведь за ним следовало предостережение: не дай Бог доводить дело до полного разрыва. Мои слова о выходе прозвучали после того, как буквально две недели подряд раздавались угрозы из Закавказья, Прибалтики, Молдавии освободиться от союзного ярма, причем с поношениями в адрес русского народа, который, можно было понять, всех объедает за общим

союзным столом и жирует не по трудам. Тогда я и поднялся: зачем же пугать-то? И Россия может выйти из Союза. Выйдет и не пропадет. Не забывайте, что 70 миллиардов российских средств ежегодно перекачивалось в бюджеты союзных республик, что грабили в первую очередь русского человека.

– 70 миллиардов рублей отдавала Россия другим республикам, да?

– Да. Из своего бюджета Россия передавала в бюджеты союзных республик, а в то время это были огромные деньги. Можно было и дороги построить, и жилье, и хлебное поле обиходить. Да и теперь Россия передает в страны СНГ 17 миллиардов долларов. Тогда – во имя братской дружбы, теперь – во имя добрососедских отношений. А дойная корова все та же – Россия. В чем, спрашивается, выгадали?

Нет, не разваливать надо было Союз по планам американских специалистов-советологов, с голоса которых действовали отечественные расчленители, заходясь в требовательной истерике, а держаться вместе. Отпустив на волю вольную, разумеется, тех, кто свою совместную жизнь с Россией считал невозможной. Но и здесь прислушиваясь к мнению народному, а не к мнению национал-расплевательства. Держаться вместе до тех пор, пока произойдет общественное отрезвление, поскольку в горячке да во взаимных обличениях разумного решения быть не может. А там – как будет соизволение Божье и народное. Но именно отрезвления-то и боялись. Вообще вся перестройка, перекройка, перетряска творились в

неимоверной спешке, горячке, в возбуждении и опьянении, в мстительной запальчивости и угаре, как будто дело касалось не великого государства, имеющего тысячелетнюю историю, а умыкнутого с чужого воза достояния. В том, как происходил раздел, было что-то разбойничье, воровское, неприличное – скорей, скорей, чтобы не спохватились и не вернулись к месту преступления. Когда-нибудь историки постараются разгадать этот удивительный феномен: как мелкие жулики с легкостью провели мирового масштаба сделку, превратив нас всех в жертвы своих политических манипуляций.

Что выиграла от раздела Россия? Потеряла свои исторические земли, оставила «за границей» как заложников десятки миллионов русских, обратила дружеские чувства в ненависть к себе, разбила великое множество судеб и вдобавок еще выплачивает контрибуции, как потерпевшая поражение в войне.

– А вот как вы считаете, что нашему обществу надо делать теперь? Известно, Солженицын предложил свой проект «Как нам обустроить Россию». Понимаю, обустройство государства – дело в первую очередь не писателей, а политиков, но все-таки каковы ваши мысли на этот счет?

– Прежде всего, не допустить дальнейшего развала России. Как это сделать с теперешним правительством, способным на любой ферт, я, право, не знаю. Пока не будет правительства, защищающего национальные интересы России, надежды невелики. Пока не придут к власти государственники,

подобные Столыпину и Витте, и приоритеты собственного народа не возобладают над приоритетами чужих корыстных замыслов, ничего хорошего ждать нельзя.

Это начало начал – власть национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для нее яму, ушиблась жестоко, переломала кости, в ее теле травма на травме, но – не убилась, поднять ее можно. Антинародная политика властей привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и принялись уходить из государства люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устранение от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но из агонизирующего государственного организма они вышли и живут только своими интересами, занятые собственным спасением. Это граждане автономного существования, сбитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно. Это как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужебием нового образа жизни. Если бы удалось вернуть их на государственную службу, а для этого надо, чтобы власть признала и сказала им, что России без них нет, когда они убедятся, что положение меняется и государством управляют патриоты, то не смогут не влиться в самую деятельную и здоровую силу. Народ силен подъемным, восходятельным настроением, появившейся перед ним благородной целью. В

России больше 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может. Напротив, это – сдерживающее начало от агрессивности, которая сейчас, к несчастью, поразила весь мир. Что плохого, если мы учим: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский.

– *В этом ваш национализм?*

– Именно. В конечной цели. Подменять национальную идею фашизмом, как это делается сплошь и рядом, могут лишь люди злонамеренные, заинтересованные в окончательной гибели России. Народная идеология не может быть фашистской, тут сознательное передергивание карт, и далеко не безобидное для народа. Надо ли о нем, о народе, заботиться, опускаться даже до ложных поклонов перед ним, если он, за исключением небольшого просвещенного меньшинства, фашиствующий? Шкуру с него вон! Но знают ли господа, заправляющие политической кухней, насколько опасно блюдо, изготовлением которого они постоянно заняты, – национальное унижение?

– *Да, вот и в первом же номере «Московского комсомольца», вышедшем после выборов, читаю опять некоего Михаила Гуревича: «А чему вы удивляетесь? Что какая-то часть русского народа купилась на невыполнимые обещания, на популизм чистойшей воды? Ну а чего же вы ждали от наро-*

да, издавна развращенного то татарским игом, то крепостным правом, то большевистской уравниловкой? От людей, давно разучившихся работать...»

– Да, знакомая песня... На галеры его, этот народ, если он перестает плясать под дудку политической режиссуры, если он, такой-рассякой, не понимает, для чего он существует! А потом и совсем от него избавиться. Методы массовой стерилизации, или как это еще называется, есть, история ими полна. А в Россию на его место «цивилизованный» народ из Европы, Турции, Китая, Кореи. Хватит дикость разводить! У Достоевского есть как нельзя лучше подходящие нашему моменту слова: «Как же быть? Стать русским во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским – значит перестать презирать народ свой... Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний».

Фактор национальной униженности уже сыграл свою роль на выборах. Пока в пользу Жириновского, который сумел использовать этот козырь. Национальная униженность – это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевидения и со страниц журналов и газет, но и вся обстановка, в том числе бытовая, в которой властвует, с одной стороны, презрение, с другой, уже с нашей, – забвение.

Это и издевательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки – все чужое, будто ничего у нас своего не было. Я недавно чуть не расплакался, посмотрев в Театре имени М. Ермоловой «Бедность не порок» в постановке Владимира Андреева. Как «за границей»: русский дух, русская речь, русский взгляд на русского драматурга, прекрасная игра актеров – это было чудо! А много ли в Москве таких театров? Еще Малый, МХАТ Татьяны Дорониной – и обчелся. Провинция, как правило, смотрит на Москву.

– Может, связанный с этим вопросом и другой. Вот недавно Григорий Бакланов, выступая по телевидению, сказал буквально так: Валентин Распутин связался с самыми темными силами. Как вы относитесь к подобным обвинениям в ваш адрес, которые раздаются довольно часто?

– Надо полагать, тем самым Григорий Бакланов связал себя со светлыми силами. Но отчего ж тогда от этого «света» так гадко, мрачно, грязно и отвратительно, голодно и холодно вокруг? Отчего даже сами «светоносцы» бегут от созданного ими сияния куда подальше? Может быть, это объяснит Григорий Бакланов? Я, в отличие от него, окраску не менял и сегодня говорю то же, что говорил всегда, только более от-

кровенно. В свое время мы с ним вместе добивались этой откровенности, но, как выясняется, с разными целями. Дело, разумеется, не во мне лично, а в дискредитации имен, не пошедших на поводу у заводил нового порядка, при котором требовалось стать предателями по отношению к своим предкам, отдать за мелкую монету все, что они создавали и ценили веками.

Я не могу, не умею быть нетерпимым к любому национальному чувству, если оно не диктует себя всем, так почему же считается преступлением мое национальное и патриотическое чувство? Господь, создавая народы, каждому вручил свой голос, свое лицо и обряд – так и давайте, не мешая, а только обогащая друг друга, пользоваться ими во имя исполнения данных нам заветов.

– Задам вопрос, может быть, нарочито примитивный и прямолинейный на первый взгляд: а зачем нужен патриотизм? Многие ведь считают, что такого чувства просто не должно быть, или ставят знак равенства между патриотизмом и фашизмом. Смысловое понятие фашизма сейчас вообще, по-моему, размыто. Называют фашистами и патриотов, и людей, просто говорящих что-то о национальных интересах...

– Зачем патриотизм? А зачем любовь к матери, святое на всю жизнь к ней чувство? Она тебя родила, поставила на ноги, пустила в жизнь – ну и достаточно с нее, дальше каждый сам по себе. На благословенном Западе почти так и делается,

оставляя во взрослости вместо чувства кой-какие обязанности.

Любовь к Родине – то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам все, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм – это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землей, но прежде всего долг перед нею, радение за ее духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с ее страданиями и радостями. Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскивают за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своем Родину, не запутается, не опустится, не озверевает, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Кто же в таком случае ненавистники патриотизма? Или те, кто не признает никакого другого рода, кроме своего, или легионеры нового мирового прядка – порядка обезличивания человека и унификации всего и вся, а для этих целей

патриотизм, конечно же, помеха.

Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимая его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от народной песни, от Пушкина и Тютчева, Достоевского и Шмелева и в засушенной душе способны появиться благодатно-благодарные ростки. Меня обрадовало предложение русского певца из Австралии Александра Шахматова сделать 1994 год годом русской культуры и духовности, проведя массовые праздники духовности во всех крупных и не только крупных городах. Когда разойдется и разрастется свое, святое, ему легче будет противостоять грязи и сраму, которые обрушились на народ. Бесы делают свое дело, а мы будем делать свое – на том уровне, где живет народная душа.

– *Валентин Григорьевич, очень большая тема – «Искусство и политика», «Искусство и власть». В свое время, как известно, вы были депутатом союзного уровня, и Горбачев даже пытался вас приблизить к себе, брал в зарубежные поездки. Между тем у известного критика Владимира Лакшина есть такие слова: «Искусство в точном смысле слова гибнет и вянет, когда политика прижимает его к груди». Что вы думаете по этому поводу?*

– С Лакшиным надо согласиться, конечно. Тут есть правда. Вообще искусству полезно испытывать некое сопротивление, и не только художественное. Я говорю не о цензуре,

которая, как утюг, выглаживает все социальные морщинки, но обстановка, развивающая мускулы, действует, как это ни парадоксально, вдохновляюще. Не даете сказать, а вот скажу, несмотря на все ваши предписания, и скажу так, что читатель увидит больше, чем есть в словах.

Депутатскую службу я действительно прошел. Без предвыборной кампании, попал в квоту, которая отпускалась тогда для творческих союзов, и, скрепя перо и сердце, подчинился результатам голосования на писательском съезде. Затем Горбачев предложил войти в его президентский совет. Обстановка была роковая – кто кого, и я в конце концов согласился, рассчитывая, что, быть может, и от моего голоса что-то будет зависеть. Нет, это «хождение во власть» оказалось почти безрезультатным, политика делалась там не спичечными, а тайными советниками, я убедился в этом очень скоро. Впрочем, и сам президентский совет не задержался, и я воспринял это с облегчением.

И все же я не жалею, что заглянул туда, куда удаётся заглянуть не всем. Пригодится. И уже не однажды пригождалось, когда удавалось угадывать события, которые, казалось, ничто не предвещало. Не могу похвалиться особым чутьем, но кой-какой нюх появился. Быть может, именно потому, что политика – действительно дело грязное, а у меня к такого рода цвету чувствительность повышенная. И посмотрите на нынешних придворных писателей. Можно даже не заглядывать в август 1991 года, когда наперегонки, закладывая сво-

их недавних товарищей, они бежали раскланиваться перед новым хозяином. Достаточно сентября-октября. Виктор Розов дал самый точный отзыв: такого холуяжа не бывало и во времена Сталина. Не бывало и во времена Ивана Грозного. Никогда не бывало. Это уже коллективное «произведение» демократического реализма невиданного размаха. Сначала съезжаются на дачу президента, чтобы высоко-интеллектуальным мнением уговорить его не церемониться со своими политическими противниками. Затем смотрят на дело рук своих по телевизору, наслаждаясь кровавой расправой, как детективом. Но и этой крови мало. Карать так карать! После бойни сочиняется коллективное письмо с требованием ни в коем случае не миловать оппозиционную печать и общественные партии. «Эти тупые негодяи уважают только силу!» – заявлено ими, и такой глубины и высоты слово не удалось сказать ни Шекспиру, ни Толстому. Это уже высь поднебесная.

И не два, не три автора подписываются под «поэмой», опубликованной в газете «Известия» 5 октября под названием «Писатели требуют от правительства решительных действий», а 42. 42-м оказался Виктор Астафьев.

– Я хотел, кстати, спросить об Астафьеве. Особо. У вас ведь с ним особые отношения, вы были очень близки. Так вот теперь, после выборов, он в «Комсомольской правде» отозвался о своем народе как... о нелюдях. Понятно, когда Новодворская называет народ черню. А тут ведь круп-

ный русский писатель... По-моему, даже глава правительства Черномырдин в «Труде» более достойно сказал о тех же итогах выборов: «Надо не народ обвинять, а признать собственные ошибки».

– Да, мы с Виктором Петровичем Астафьевым принадлежали к одному литературному лагерю «деревенщиков», знаем друг друга хорошо. И все же, оказалось, не настолько хорошо, чтобы я понимал сегодняшнего Астафьева, а он, разумеется, меня. Теперешняя позиция Астафьева – его личное дело, и мне ее обсуждать не хочется. Похоже, это результат того, что не осталось у него опоры нигде – ни в душе, ни в человеке, ни в народе, ни даже в художественном слове, где мат на мате и понукает матом. Такому состоянию не позавидуешь.

– Валентин Григорьевич, а как вы смотрите на сегодняшнее состояние нашей культуры, в том числе литературы? Что выделили для себя из последних произведений российских писателей?

– Положение культуры всюду тяжело, а в некоторых местах по России трагическое. Оставленная без государственной поддержки, брошенная в рынок, как в дерьмо, вынужденная искать любые ходы, нередко неприличные, чтобы выжить, она уже не культура в прежнем своем высоком звании, а что-то жалкое, просящее подаяния, отрывистое. Надо ли говорить, что как раз сейчас-то, когда индустрия разращения человека работает с чудовищной силой, собствен-

ная культура как раз и могла бы быть хоть каким-то шлагбаумом, но уничтожают и ее. Хорошо еще, если где, как у нас в Иркутске, повезет с администрацией, которая худо-бедно, но помогает, а то ведь нередко без обиняков считают ее бесполезной. Посмотреть на нашу власть, она по всем статьям и приметам не собирается долго задерживаться, если совсем не заботится, какой сегодня воспитывается гражданин. Кому сейчас принадлежат театры, музеи, дворцы культуры, знаменитые оркестры, хоры, издательства, библиотеки, кто заказывает музыку, понять нельзя. Творческие союзы в агонии. Десятки тысяч писателей, актеров, художников, музыкантов, оставшись без спроса на свои таланты и не имея другой профессии, нанимаются в сторожа, дворники, высматривают спонсоров. Положение унижительной ненужности. Ирина Архипова, используя свой авторитет, создала фонд для помощи молодым исполнителям, но ведь он почти единственный и многих ли он может поддержать?! На этом мрачном небосводе даже тусклая звездочка начинает радовать. Правда, появляются они не благодаря, а вопреки «культурной» политике государства, но все-таки...

В этом году заявил о себе российский читатель, начиная возвращаться к отечественной литературе. Он, вероятней всего, и не покидал ее, но, напуганный книжным бесстыдством, стал искать чистое слово с той же потребностью, как кусок хлеба. Книгоиздатели это заметили, у них нюх на спрос особый, и... дай Бог, чтобы «процесс» и дальше по-

шел.

Из произведений последнего времени, точно и мастерски отобразивших нашу действительность, могу назвать повесть Владимира Крупина «Прощай, Россия, встретимся в раю» и повесть Леонида Бородина «Божеполье». Хозяевам нынешней жизни очень рекомендую книгу Ивана Шмелева «Солнце мертвых», написанную в начале двадцатых годов. Я задержался с ее чтением, но она и выпущена у нас недавно. Рекомендую, чтобы знали, как о них отзовется Вечность.

– Раньше, Валентин Григорьевич, вы одно время довольно активно выступали с публицистикой, и даже одна из последних ваших крупных вещей, я имею в виду «Пожар», была по существу вещью публицистической. А почему в последнее время вы стали так редко выступать с публицистикой в прессе? Что, перестали верить в силу прямого вмешательства писательского слова в общественную жизнь?

– Публицистика-то есть, но она, очевидно, расходится по изданиям незаметно. Хотя что верно, то верно: думаю, что сегодня убеждать в своей правоте никого не надо, все разошлось по своим позициям, по своим местам, сама жизнь убеждает. Особенность нашего времени в том, что сейчас сытый голодного не просто не разумеет, а ненавидит. То же самое: неправый ненавидит правого лишь за то, что тот прав, а он с правдой не в ладу, живет и рассчитывает жить по другим законам. Правда, разумеется, всегда нужна, но она как бы и сама устает от своего многократного повторения. По-

этому иногда полезно помолчать.

– В заключение хотел бы задать вопрос традиционный: над чем вы сейчас работаете?

– Продолжаю книгу о Сибири. Первая ее часть вышла в издательстве «Молодая гвардия» два года назад. Сейчас все усложнилось не в десять, а в тысячу раз, любая поездка превратилась в проблему (в этой работе без поездок не обойтись), но как-нибудь.... Не все разрушено, а в Сибири – тем более.

Декабрь 1993 г.

Не тот победитель?

Замечательный русский писатель Валентин Распутин стал абсолютным лауреатом международной литературной премии «Москва – Пенне».

Виктор Кожемяко: *Валентин Григорьевич, решение жюри было для вас неожиданным? Или вы внутренне были к нему готовы?*

Валентин Распутин: Неожиданным было все. И само выдвижение. (Выдвинул меня журнал «Наш современник», где напечатаны последние рассказы.) Узнав о «подаче» моей фамилии, я стал возражать, пробовал даже отозвать ее обратно, по двум причинам: малый «физический» вес предлагаемых на премию рассказов и неизвестное мне происхождение премии. Однако, когда мне разъяснили механизм ее присуждения, показавшийся чрезвычайно любопытным, махнул рукой: будь что будет. Тем более что в жюри оказались такие писатели, как Валерий Ганичев, Владимир Солоухин и Сергей Есин, которые не стали бы связываться с нечистым делом. (В состав жюри также входили Юрий Давыдов, Владимир Войнович, Евгений Сидоров – люди, настроенные далеко не в пользу Распутина. – *Ред.*)

Все остальное тоже было неожиданным. После того как жюри назвало трех лауреатов – Фазиля Искандера, Людмилу Петрушевскую и меня, наступил следующий этап присужде-

ния. С помощью общественного жюри – четырехсот студентов и школьников старших классов – выбирали абсолютно-го победителя. Ребятам раздали наши тексты. Петрушевская на эту церемонию не пришла. Мы с Искандером отвечали на вопросы. Потом состоялось тайное голосование.

По его результатам я оказался впереди...

Мы склонны считать иногда, что молодежь, по крайней мере большинство ее, для России потеряна. Этот случай не может, разумеется, служить полным опровержением таких мыслей, но заставляет задуматься: а хорошо ли мы знаем свою молодежь? Это была приятная неожиданность. Уверен, что не только для меня, но и для всех размышляющих о будущем.

– Валентин Григорьевич, что сейчас происходит с нашей литературой? В каком русле протекает творческий процесс?

– Наша литература в очень тяжелом положении. В условиях «дикого» рынка ей не выжить. Вообще вся культура государством брошена на произвол судьбы. За исключением той ее части, которая прислуживает власти...

Областные издательства по большей части погибли. Новые – коммерческие – гонятся «за конъюнктурой». Это или «постельная» литература, или литература насилия. Серьезные писатели за ненадобностью брошены. Деньги на издание книг приходится выпрашивать из милости. Издаются, как правило, юбиляры, их еще местная власть способна по-

жалеть. Это даже не литературный процесс. Это поминки по литературе. Немало талантливых художников прекратили писать. Выживают как могут – кто идет в истопники, кто в сторожа...

У писательских организаций нет денег, чтобы заплатить за отопление, за свет, за телефон... Мы не имеем возможности встречаться в «уставные» сроки – проводить пленумы, съезды.

Если что-то здесь и удавалось, то благодаря помощи местных руководителей, как это было в прежние годы в Орле, в Якутии.

Нынче не удалось совсем.

– Если уже состоявшиеся писатели живут так трудно, то что говорить о литературной молодежи. Не прервется ли здесь связь поколений?

– Как ни странно, смена есть. Новый приток идет. В этом году Союз писателей России проводил во Владимире семинар. Я, правда, там не был, но знаю – на удивление много талантливых ребят участвовало в семинаре. Понимающих, что их ждет. Ведь для всех премий не создашь... Сознających, для какой службы существует литература.

Конечно, срочно нужна государственная политика спасения литературы и культуры в целом. А в программе министерства, довольно объемистой, кажется, решено спасти только цирк. О литературе министр, кстати, литератор, «забыл».

– Валентин Григорьевич, что подсказывает ваше писательское «чутье» по поводу будущего России? К чему готовиться?..

– Предыдущие события угадывались легко. Они еще были в пределах жизни. Сейчас происходит заколачивание России в гроб.

Она унижена и ободрана до последней степени. С народом уже не заигрывают, получив от него все, что нужно, отказываются его даже и кормить. Сравните обещания президента накануне выборов и во что они превратились после. Нашему народу придется отмаливать не только убийство царской семьи в 1918-м, но и переизбрание Ельцина в 1996-м. Если первый грех как грех народный еще сомнителен, то второй – нет. Получайте теперь в качестве одного из «отцов народа» Березовского. Проглотили – скоро вернется Гайдар. Затем Бурбулис, Козырев и иже с ними.

У меня впечатление, что народ сейчас откровенно вызывает на кровь. И приготовились к «умиротворению». Поэтому стихийные, «кипящие» выступления опасны, нужен всеобщий и организованный протест.

Говорят, что зима-97 будет холодной. Скорее всего – это будет горячая зима...

Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится все больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Тако-

го еще не бывало, но может быть.

Я верю – мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако легкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства – слишком лакомый кусок...

– Вы являетесь членом Координационного совета НПСР. Каковы, по-вашему, перспективы этого движения?

– Другой позитивной силы нет. Правда, объединяться надо было значительно раньше. Тогда бы мы не оказались в таком тяжелом положении. К сожалению, патриоты долго выясняли, кто из них главнее. Нужно прежде всего спасти Россию, а потом разбираться в чистоте идей и помыслов. Слава Богу, сейчас это стали понимать. Приходится соглашаться: пока доберешься до русской соборности, надо перейти через тысячу вздорностей. Но уж если миновали их (а кажется – миновали), то теперь нет другого выхода, как держаться вместе до конца.

– Валентин Григорьевич, не так давно при президенте создан новый орган – Совет по культуре, куда вошли многие «уважаемые люди» типа Марка Захарова...

– Других и представить там нельзя. Это люди, которые подписали в свое время обращение к президенту, чтобы он расправился с оппозицией. Те, кто кричал: «Раздави гадину!» У президента других людей быть не может. Ждать от этого Совета помощи не приходится. Наоборот. Совет, в котором участвуют русофобы...

Культура, к которой благоволит сейчас власть, – это заемная, безнравственная, безнациональная развлекаловка, бесконечное и бесстыдное шоу во время чумы. Это с одной стороны. А с другой – издевательство, издевательство, издевательство над всем, что делает русского русским, что человека делает человеком.

– В небольшом интервью обо всем не поговоришь. Завершая беседу, что вы можете сказать о главном – о Родине?

– Родина – это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория». Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина – он любит и защищает все доброе и слабое на свете, нет – все ненавидит и все готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее – живем же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне ее эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Для меня Родина – это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной...

Родина больше нас. Сильней нас. Добрей нас. Сегодня ее судьба вручена нам – будем же ее достойны.

Почему русского писателя, ставшего лауреатом международного конкурса, «приветствовали» хамскими выпадами

(комментарий журналиста)

Талант, конечно, от Бога. Но признание, оценка таланта – от людей. Если не заметят и не признают, то вроде и нет его.

А как оценить, чей талант «выше»? Ну, например, кто из писателей лучше написал?

Задача, прямо скажем, непростая, и таковой была всегда. Потому что разным людям нравится разное. Одни, допустим, считали, что лучший поэт в России – Пушкин, другие (не менее убежденно!) – Бенедиктов. Время показало, кто был более прав.

Однако люди не хотят ждать, пока время рассудит. Они желают поскорее выставить оценки творцам. С этой целью и проводятся всякого рода конкурсы, назначаются разнообразные премии. От Нобелевской до Букеровской.

Можно ли рассчитывать при этом на какую-то объективность оценок? И насколько они точны? Мы знаем, бывает по-

разному.

Меня обрадовало сообщение, что новая международная литературная премия по прозе «Москва – Пенне» присуждена выдающемуся русскому писателю Валентину Распутину. Я читал рассказы, за которые ему эта премия присуждена, – «В больнице» и «В ту же землю...». Опубликованные в прошлогодних номерах журнала «Наш современник», они многих глубоко взволновали талантом пронзительной человечности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.